

Февральская прохлада пронизывала воздух ранней весны. Сырость проникала в землю, делая её ещё холоднее. Тюремщики, сами бывшие преступники, грелись подогретым вином, но пили осторожно — в этой тюрьме нельзя было терять бдительность.

Согревшись, они разговорились. Болтовня перескакивала с домашних забот на тюремные дела, пока кто-то не упомянул недавние слухи:

— Слыхали? Два дня назад случилось нечто странное. Гора Тай содрогнулась, загрохотала, будто гром. Люди шепчутся — не кара ли это небесная?

Эта весть всколыхнула Пекин. Дрожь священной горы считалась знамением судьбы страны, а новый император не был прямым наследником. Его мать, простая дворцовая служанка, не имела влияния, однако именно её сын взошёл на трон. Не прошло и года с коронации, власть его была шаткой, и такое небесное явление порождало тревожные мысли о недовольстве высших сил.

— Не болтай ерунды, — прошипел кто-то. — Не ровен час, голову потеряешь.

— А император-то ходил молиться?

Таков был обычай: при любом небесном знамении правитель шёл к алтарю, являя небесам свою искренность.

— А как же, вчера во дворец вернулся. Только люди всё никак не успокоятся — говорят, ещё толчки были.

— И чего ж он так быстро вернулся?

— Да потому что гуоши насчитали, мол, для решения проблемы нужно... — человек понизил голос, остальные придвинулись ближе. — Дело-то дурное, им, вишь, понадобились заместитель премьер-министра и генерал Янь...

Договорить он не успел — в помещение вбежал привратник:

— Заместитель премьер-министра пожаловал!

Лица тюремщиков застыли. Они поспешно спрятали кувшин и с трепетом уставились на тёмный вход.

Дверь отворилась, впуская полоску света. В неё ступила пара белых туфель, погружаясь во тьму.

Шаги были ни лёгкими, ни тяжёлыми, но заставляли всех присутствующих нервничать. Они боялись даже дышать слишком громко, опасаясь потревожить могущественную особу из дворца.

Никто не знал, откуда взялся заместитель премьер-министра Чжао Елань. Когда мир узнал о его существовании, борьба за престол была в самом разгаре. Несколько принцев проявили выдающиеся способности, но Чжао Елань, скрываясь за спиной Третьего принца, помог тому одолеть наследного принца и прочих соперников. Подробности той кровавой бойни уже не вспоминали, но трон, доставшийся вопреки судьбе, всегда был обagrён кровью. Нетрудно было догадаться, что этот человек совершил немало грязных дел.

После восшествия нового императора на престол его благосклонность к Чжао Еланю была очевидна. Его возвысили до знатного чина, осыпали золотом, серебром и драгоценностями. Он стал самой заметной фигурой в новой династии.

Большинство простолюдинов лишь слышали о дурной славе Чжао Еланя, проклиная его втихомолку, но для здешних тюремщиков он был уже старым знакомым.

Пытки в императорской тюрьме отличались разнообразием и жестокостью. Обычные люди дрожали, лишь переступая порог этого места. Но хрупкий на вид Чжао Елань, казалось, знал о пытках больше самих палачей. Во время допросов он словно превращался в владыку преисподней — даже если кому-то удавалось сохранить жизнь, он не мог уберечь свою шкуру.

Ещё не приблизившись, Чжао Елань наполнил холодный, сырой воздух сильным ароматом. Тюремщики невольно принюхивались, но, боясь оскорбить начальство, застыли на месте, изображая почтение.

Чжао Елань, облачённый в парчовые одежды, высокомерно оглядел помещение.

Новичок-тюремщик, прежде лишь слышавший о злодеяниях Чжао Еланя, с любопытством и страхом поднял глаза. Его лицо застыло от увиденного.

Перед ним предстал человек с изысканными чертами лица и глазами, подобными яркой луне. Его облик притягивал взгляды, но таил в себе необъяснимую тень, делавшую его недоступным. Холодный и отстранённый, с безразличными манерами, он казался чужеродным в этой вонючей камере, тускло освещённой свечами.

«Он даже красивее первого красавца столицы», — усмехнулся про себя тюремщик.

— Чжао-дарен, кого вы желаете допросить сегодня? — начальник тюрьмы, видевший его не раз, почтительно приблизился. Вынужденная улыбка застыла на его лице.

Чжао Елань слегка нахмурился, достал из рукава платок и прикрыл им нос и рот.

Начальник тюрьмы тут же понял — вельможе снова не по нраву сырая, зловонная обстановка. Каждый его визит сопровождался новым ароматом. Несведущие могли подумать, будто он только что покинул низкопробный бордель.

Помахивая рукой, разгоняя воздух, начальник обратился к Чжао Еланю:

— Не соблаговолите ли показать императорский жетон, Чжао-дарен?

Чжао Елань извлёк из-за пазухи жетон:

— Я к Юй Цзюньляну. Все ждите здесь.

Тюремщики молча повиновались, проводив его к нужной камере.

Узник лежал на полу растрёпанный. Завидев посетителя, он вскочил, вцепился в решётку и прошипел сквозь зубы:

— Чжао Елань, ты меня оклеветал!

— Говорите разумно, Юй-дарен. Мы с вами сослуживцы, с чего бы мне вам вредить? — Чжао Елань слегка улыбнулся. Его лицо оставалось безмятежным, что ещё больше разозлило Юй Цзюньляна.

Когда-то именно Чжао Елань привлёк его на сторону третьего принца, обещая процветание и богатство. Теперь же он не только лишился должности, но и был обвинён Чжао Еланем в измене.

— Где император? Я требую его видеть! Меня оклеветали! — Юй Цзюньлян громко кричал, сотрясая решётку.

— К чему волнения, Юй-дарен? У вас впереди блестящее будущее. Как вы могли быть столь неразумны, чтобы вступить в сговор с бывшим наследным принцем? — произнёс Чжао Елань.

— Я не вступал ни в какой сговор! Ты сам велел мне навестить бывшего наследника в Бэйюане! — вены на лбу Юй Цзюньляна вздулись, он готов был броситься на решётку. — Негодяй, как смеешь ты клеветать на меня! погоди, вот выберусь отсюда — не дам тебе умереть лёгкой смертью!